

ПОЭТИКА

Е.М. Антонова

ПЕРЕОЦЕНКА ПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВА. МАРТИН ХАЙДЕГГЕР И «ПОЭТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ»

Аннотация. В настоящей статье анализируются послевоенные, поздние работы Мартина Хайдеггера, в которых философ обращается к концепции «поэтического мышления». Движение мысли Хайдеггера сочетает в себе элементы Западного и Восточного типа философствования, которое позволяет приоткрыть тайну человеческой экзистенции, сущности бытия и дает возможность приблизиться к Истине. Особенный метод поэтического вопрошания — есть путь, позволяющий возвратиться к исконному смыслу, уйти от «забвения бытия», «появиться приходу Богов». Заданное Мартином Хайдеггером направление оказало огромное влияние на последующих философов, которые продолжили работу над «восстановлением» значимости поэтического слова как философского.

Ключевые слова: филология, поэзия, Мартин Хайдеггер, поэтическое мышление, философия, онтология, бытие, истина, феноменология, герменевтика

*«Стих открывается читателю
полнотой одновременности своего языка...»
(Г.-Г. Гадамер).*

XX в. ознаменовался большим количеством различных процессов, цивилизационных преобразований, в ходе которых, продлившись уже в XXI в., можно сказать о том, что культура вступает в новую стадию, принципиально новую. Внешние причины этого преобразования привели и к изменениям в духовном мире человека, его системе ценностей, менталитете, мировоззрении. Соответственно, те области знания, которые занимаются вопросами исследования человека, мира, их взаимодействия также находятся в состоянии пересмотра, переоценки.

XX в. — век «пост-культуры», в философии ознаменовался господством позитивистских, естественнонаучных, материалистических тенденций. Воплощением, которых стал, так называемый, «лингвистический поворот». Вследствие данного смещения акцентов, появилась масса направлений и идейных течений, рассматривающих язык, его роль и значение с новых позиций. Идеи Витгенштейна, Рассела, школы структуралистов оказали огромное влияние на развитие философии языка. Исследователи также обращали свое внимание на взаимодействие литературы и философии, чем фактически «легитимировали полухудожественную эстетизированную форму дискурса для

гуманитарных наук и философии»¹. Стиль мышления и репрезентации начинает включать в себя метафоричность, алогичность, гротеск, ассоциативность, большое количество художественно-поэтических образов. Таким образом, в пост-культуре прослеживается отказ от традиционного способа философствования. За переходом к новым формам исследования обнаруживаются важные, но забытые на время вопросы, которые, может быть, не имели ответов в силу недостатка ресурсов. Среди таких проблем оказалась и тема соотношения философии и поэтики.

Здесь следует отдельно сказать о существовании поэтической философии и философской поэзии. Безусловно, данные понятия в семантическом поле находятся рядом, но есть и различия. Под поэтической философией стоит понимать особую форму философского размышления, которая существует в форме поэтического творения, подчиняется законам поэтического языка. А вот философская поэзия — это художественное произведение, содержащее в себе философские категории и возможность осмысления с использованием герменевтической традиции. По сути два вышеописанных понятия — являются синонимичными, но взяты в разных контекстах: философском и литературном. Но для анализа самого феномена духовной культуры подобного рода контекстуальные различия не имеют значения. Потому что философ-

¹ Бычков В.В. Эстетическая аура бытия. М., 2010.

ская поэзия (и поэтическая философия) есть и форма существования языка, и форма познания.

История взаимоотношений данных дисциплин насчитывает не одну сотню лет и не исчерпывается до сих пор. Поэзия, по мнению многих исследователей, выступает как древний жанр предфилософии, наряду с мифом. В подтверждение данной мысли яркой иллюстрацией выступает античность. Мыслителям данной эпохи было свойственно выражать свои мысли в виде поэм. Здесь можно назвать александрийскую школу (расцвет александрийской поэзии относится к первой половине III в. до н.э.) и ее представителей: астрономическая поэма Арата (около 315-240 гг.) «Небесные явления» принадлежит к числу знаменитейших произведений эллинистической литературы. Но традиционно исследование вопроса о взаимосвязи поэзии и философии начинают с Платона. В основном это книги II и III «Государства». Как пишет Лаку-Лабарт: «Как известно, между философией и поэзией (или по выражению Платона, мифопойесисом) здесь разыгрывается сцена агонистики, которую во многих отношениях можно считать «первобытной картиной» философии, а также вводится то, что получит свое название и свой «областной» статус (или «школьную рубрику») только с Аристотелем, — то, что мы до сих пор называем «поэтикой» (на языке современности: наукой или теорией литературы)»².

«Рассмотрение соотношения поэзии и философии и специфики поэтической формы знания в парадигме европейской духовной традиции ведется с позиций романтической литературной теории и герменевтики, но начинается с Платона, так как Платон был первым, кто поставил вопрос об отношении поэзии к знанию. Платон стоял на стыке двух традиций: древней мифопоэтической и новой рационально-логической, что обусловило, с одной стороны, двойственность его собственной позиции, а с другой, двойственность последующей европейской традиции»³.

Развитие культуры XX в. определило значительное расширение спектра вопросов и способов анализа философских проблем. Так одним из значительных явлений второй половины XX в. стал постмодернизм, который обратился к феноменам «поэтического языка»

и «поэтического мышления», который находился на стыке философско-эстетических, лингвистических, культурологических дисциплин. По мнению многих ученых сам постмодернизм почерпнул «вдохновение» у восточных течений, таких, как дзэн буддизм (чань) и даосизм. Способ философствования востока отличается своим своеобразием: в частности явным иррационализмом, приоритетом онтологической проблематики над гносеологической, интровертностью мышления. В XX в. Европейская культура встречается с трудностями и кризисом духовной традиции. Поиски новых способов мышления и вдохновения, привели философов и культурологов «на Восток». Мишель Фуко в своей работе «История безумия в классический век», Деррида обращается к наследию Востока, отсылает к китайской философии Кристева в своей критике «логоцентризма индоевропейского предложения». Среди этих имен можно назвать и Мартина Хайдеггера. Хэллибертон в своем исследовании этой проблемы («Поэтическое мышление: Подход к Хайдеггеру», 1981) утверждает, что по мере того как Хайдеггер все более отходил от традиционного стиля западной классической мысли, открывая для себя то, что впоследствии Поль де Манн назовет «слепотой откровения», философ все более приближался к «классике» Востока. Апеллируя к авторитету Лао-Цзы, Хайдеггер характеризует его стиль как поэтическое мышление и воспринимает Дао как наиболее эффективный способ понимания «пути» к бытию. «В слове «путь» — Дао, — пишет Хайдеггер, — может быть, скрыто самое потаенное в сказывании...», и добавляет: «Поэзия и мышление являются способом сказывания». Поэтическое произведение как лингвистическая практика, с одной стороны, и как философский дискурс с другой — имеет возможность в «сказывании» показать больше. В «Гераклите», в разделе «О господстве рефлексии и субъективности. Вопрос о глубине чистого мышления и возврат» (Рильке и Гёльдерлин)», Хайдеггер отдельно и повторяя, акцентирует внимание на мысли: «Но тот, кто глубочайшее помыслил, — тот любит преисполненное жизни»⁴. Данное выражение само по себе звучит как поэтическая строчка, написанная в жанровых традициях «ши» и «цы».

«Поворот», который философ осуществил в послевоенный период своего творчества, долгое время привлекал не много внимания. Но сегодня вполне очевидно, что это существенный шаг на пути к познанию бытия. В связи с «поворотом» центральными для Хайдеггера 1930-60-х гг. становятся проблемы: истины как несокрытости (ἀλήθεια); языка (прежде всего поэтического) и события (Ereignis) самого бытия, а

² Лаку-Лабарт Ф. Поэтика и политика // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. М.; СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетей, 1999.

³ Вольский А.Л. Поэтико-философский текст как объект филологической герменевтики: автореф. дис. ... д-ра филол. н. СПб., 2008.

⁴ Хайдеггер М. Гераклит. СПб., 2011. С. 273.

также осмысления человека. «Если ранее он в согласии с Брентано и Гуссерлем считал, что аристотелевское бытие (*οὐσία*) следует понимать как неизменное присутствие (*Anwesen*), то теперь он истолковывает его, прежде всего как *εφευγία*, т.е. как открытую возможность, развертывающую саму себя»⁵. Поэтическое вопрошание, поэтическое мышление — становятся главными понятиями онтологии Хайдеггера. Последовательно, шаг за шагом он оставляет традиционные категории субъектно-объектной проблематики, привычный язык повествования, приходя к новому способу понимания человека и его бытия. «Путь» к подлинному бытию Хайдеггер прокладывает через попытку выяснить наше содержательные отношения с языком. Но это не лингвистический анализ, не сбор знаний о языке, это опыт языка. Хайдеггер различает подлинный язык (*die Sage*) в отличие от неподлинного или обыденного (*das Gerede*). Язык получает экзистенциально-онтологический статус в речи. Человек живет в языке, существует в нем, направлен на него, что лишает возможности обратить свое внимание на более существенную его содержательность. Язык относится к сущностному бытию мира, к подлинному, аутентичному его существованию, необходимо ощутить мир как целостность, чтобы испытать язык как «сказывание», как «здесь-бытие», охватывающее полноту бытия в его единстве прошлого, настоящего и будущего, что становится впоследствии основной задачей Хайдеггеровского исследования.

Поэтому Хайдеггер обращается к поэтическому мышлению, к поэту, к толкованию его произведений. Язык является домом бытия, человека, а поэзия — способом его понимания. Поэтический язык художественного произведения способен открыть «подлинный» смысл слова, а через него, прийти к раскрытию «сокрытого» в бытии. А для этого мало того ресурса, которым обладает логика, здесь необходимо «окунуться в стихию языка», рассмотреть в нем «сказывание» — «показывание», «просвет» бытия. Хайдеггер выражает данную концепцию афористичным: «Существо языка: язык существа». Согласно Хайдеггеру поэты и поэтически мыслящие философы — вот выразители скрытой и загадочной сущности человека. Но творцы не являются ни миметиками, ни создателями мифов. Внимание Хайдеггера к поэтам носит куда более содержательный характер: «И если уж ставить вопрос о мифе или трагедии, то, во всяком случае, это никогда не будет вопрос в терминах системы представлений или способа изложения, логоса и лексиса, материи и

формы и еще меньше в терминах «представления» в смысле «театральности». Но это будет делаться, как вы знаете, в терминах *Dichtung, Sprache, Sage*, с помощью которых Хайдеггер, невзирая на наше очень «развитое» забывание, хотел восстановить то, чем для греков «великой эпохи» являлся *пойесис*⁶». И надо добавить, что не только «пойесис», но и сам Поэт, который является наследником великого знания, способности видеть то, что не доступно всем остальным.

Мартин Хайдеггер обращает свое внимание на поэтическое мышление еще в «Бытие и времени», но в послевоенный период пишет целый ряд работ и выступает с серией докладов, которые объединены общей тематикой, вниманием к поэзии и поэтическому мышлению: «К чему поэт?» (1946), «Проселок» (1947), «Лесные тропы» (1950), доклад в Бюлерхее «... поэтом живет человек...» (1953), «На пути к языку» (1959), «Существо языка»: три доклада, прочитанные в рамках общей обучающей программы во Фрайбургском университете (1957), «Поэзия и мысль. К стихотворению Стефана Георге «Слово»» (1958), «Путь к языку» (1959). Помимо вышеназванных работ, Мартин Хайдеггер посвящает несколько работ «толкованию» стихотворений поэтов, среди которых Гёльдерлин, Георге, Мерики, Целан, Тракль. Причем, с каждым Поэтом Философ выстраивает особый диалог.

Толкование поэтических произведений Хайдеггером позволяет отойти от «привычного» восприятия стихотворений, от наследия критического взгляда на взаимоотношения поэзии и языка, поэзии и философии. Гадамер считает, что именно с платоновской интерпретации содержания отношений поэзии и языка берет начало европейская традиция «забвения языка», рационализма, который закрыл «горизонт» для рассмотрения поэтического слова, как философского, как способного к «познанию» и описанию бытия. В данном случае герменевтическая традиция, берущая начало в святоотеческой герменевтике и средневековой христианской мистике оказывается ближе, во всех смыслах, к поэтическому тексту.

Хайдеггер обращается к истолкованию поэтических произведений, но не только с позиций филологического или лингвистического анализа, он, как раз, продолжает герменевтическую традицию, которая развивается и дополняется им же, приобретая самобытные черты. За данным методом следует длительная история гер-

⁵ Хайдеггер Мартин // Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс – <http://iph.ras.ru/elib/3286.html>].

⁶ Лаку-Лабарт Ф. Поэтика и политика // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. М.; СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетей, 1999.

меневтической мысли, оформленная Хайдеггером в знаменитую тавтологию: *die Sprache spricht*. Хайдеггер включает в свой философский анализ текста «герменевтику Dasein», которая наиболее полно и исчерпывающе раскрывается в поэтическом тексте, в работе о «поэтическом мышлении». Анализируя стихотворные тексты поэтов, прежде всего Гёльдерлина, к которому философ относился с большим пиететом, Хайдеггер ищет подлинное бытие, которое «сокрыто», но с помощью обращения к языку «подается» человеку. Сущность языка Хайдеггер усматривает в спонтанной речи как экзистенциале присутствия. «Вот-бытие», по Хайдеггеру, есть «сущее, которое, понимая себя в своем бытии, относится к этому бытию. Тем самым выявлено формальное понятие экзистенции. Вот-бытие экзистирует»⁷. Понимание отождествляется Хайдеггером с выходом из «сокрытости» вот-бытия. «Вот-бытие» свидетельство того, что человек не просто имеет представление о мире, но он есть бытие-В-мире. Быть-в-мире, быть открытым к «слушанию» и иметь желание обладать пониманием. «Для Хайдеггера открытость — нечто заведомо проблематическое, вступающее в игру с сокрытостью, а где возникает сокрытое, там недостаточно описывать, там следует истолковывать»⁸. Для вот-бытия существует настроенность и расположенность, предшествующая рефлексии, возможность для ее осуществления. ««Бытие» становится простым словом, скрывающим то, что ускользнуло и замкнулось, но где, тем не менее, бытийствует раскрывающее открытое»⁹. В поэзии на первый план выходит существенное: передача определенного настроения как способа раскрытия истинной сущности бытия, как оно есть. Поэзия обладает исключительной возможностью конституирования смысла, открытия мира, проекта бытия. Она передает наш экзистенциально «настроенный» и раскрывающий истинную сущность способ «ситуативирования» в мире. Хайдеггер, обращаясь к текстам поэтов, демонстрирует нам, как раскрывается существенное, как выходит из «сокрытости» подлинное. Познание Истины предполагает ее поэтическую интерпретацию, через которую мы можем ее постичь. «Человек и только человек есть то сущее, которое, поскольку оно имеет слово, смотрит в открытое и видит его как «Истину»»¹⁰. Одним из важнейших положений «толкования» Хайдеггера является необходимость внутреннего соприкосновения с поэти-

ческим текстом, а впоследствии и с самим явлением. Ведь только человеку доступно видение «открытого», которое позволяет сущему взойти и присутствовать как сущему. Важную мысль формулирует Хайдеггер: «Человек и только человек смотрит в открытое, не усматривая его»¹¹. Человеку необходимо смотреть и слушать. «Вслушивание», внутренняя интенция — вот, что необходимо для подлинного раскрытия смысла, транслируемого через поэтическое. Уникальность человеческого опыта, его экзистенциальной сущности не сводимо лишь к формальной рациональной причинно-следственной работе логики. Многомерность, многоуровневость человеческого бытия можно постичь лишь с помощью «поэтического мышления», которое способно рассмотреть его в целостности.

В «Пармениде» Хайдеггер ставит вопрос о том, к чему все-таки призвано поэтическое слово? И говорит, что данный вопрос коренится в более существенном, который формулируется так: какая истина свойственна поэзии как поэзии? Ответ на данный вопрос формулируется Хайдеггером в его произведениях, но в данном исследовании, нас интересует то, что герменевтический метод философа — есть поэзия.

Для подобного рода истолкования, по своему собственному методу, Хайдеггер обращается к средствам и инструментам феноменологии: «Выражение «феноменология» означает, прежде всего, *понятие о методе*». Оно характеризует не *что* содержания философского исследования, а *его как*. В этом смысле феноменология близка искусству. Феноменология выставляет максимум: «к самим вещам!». Феноменология — это «*наука о феноменах*»... А феномен есть форма созерцания. Что касается Логоса, то «гр. есть речь», которая сохраняет значение отношения и соотношения. И резюмируя, Хайдеггер говорит: «Онтология возможна только как феноменология», а «феноменология существования есть герменевтика в изначальном значении слова», герменевтика как «методология исторической науки о духе»¹².

Интерпретация Хайдеггером произведений поэтов вызвала немало споров. Так в 1940-1950-х гг. шквал критики в немецких филологических кругах вызвало толкование одной строчки стихотворения Мерике «Auf eine Lampe». Известный литературовед Лео Шпитцер подверг критике ошибочность хайдеггеровских семантических штудий. Апеллируя к тому, что поиски «сокрытого смысла» в стихотворении, его философской содержательности, недоступности обыденному сознанию — преувеличение. Подводя итоги этим

⁷ Heidegger M. Sein und Zeit. Halle, 1931. S. 52-53.

⁸ Орлов Д.У. От конституирования к поэзису: герменевтический метод Хайдеггера [Электронный ресурс] // <http://einai.ru/2012-01-Orlov.html>.

⁹ Хайдеггер М. Парменид. СПб., 2009. С. 326.

¹⁰ Там же. С. 334.

¹¹ Там же. С. 343.

¹² Heidegger M. Sein und Zeit. Halle, 1931.

спорам, Эдит Керн отмечала в 1978 г.: «Шпитцер в том же самом периодическом издании обвинил философа в игнорировании филологических законов. Однако ложная этимология Хайдеггера смогла выстоять перед натиском, несомненно, более глубоких знаний Шпитцера в филологии и лингвистике».

Герменевтика поэзии — не единственное, но одно из важнейших направлений в современной герменевтике: ведь именно в современной поэзии, как справедливо пишут Зонтаг и Гадамер, язык существует на грани осмысленности, а осмысленность языка и эстетика языковых структур становятся проблемой понимания того или иного конкретного текста.

Мартин Хайдеггер — один из тех философов, наследие которых, вряд ли, можно исчерпать. Движение его философской мысли к познанию, часто весьма длительное и трудное, не лишённое заблуждений, трудностей и «поворотов». Но Мартин Хайдеггер — мыслитель, оказавший значительное влияние на последующее развитие философии и поэзии. Он подготовил основу для того, чтобы осуществился «поворот» в мышлении последующих исследователей. Влияние Хайдеггера весьма значительно. Хайдеггер создал ту модель «поэтического мышления», которая стала доминирующим признаком постмодернистского сознания. «Это мышление, — пишет Дэвид Хэллибертон, — вызвало интерес не только у его коллег-философов Теодора Адорно, Оскара Беккера, Жака Деррида, Мишеля Дюфренна, Мишеля Фуко, Карла Ясперса, Эммануэля Левинаса, Мориса Мерло-Понти и Жана-Поля Сартра, но и таких культурологов, как Макс Бензе, социологов, таких как Альфред Шютц и Люсьен Гольдман, писателей (Морис Бланшо, Антонио Мачадо, Джон Ноллсон, Октавио Пас и У. Перси)¹³». Вряд ли, Хайдеггера можно назвать постструктуралистом, но он был среди тех, кто возвел фундамент для развития данного направления. Постструктуралисты выработали собственный способ философствования, опираясь на разработки Хайдеггера, особенное внимание, уделяя концепции «поэтического мышления». Исследователь Аллан Мегилл пишет, что также как Ницше и Фуко, Хайдеггер — мыслитель кризисного типа и в данном отношении является выразителями модернистского и постмодернистского сознания. Имея в виду в качестве «кризиса» потерю ценностных ориентиров, содержательных нравственных понятий и категорий. Подобного рода кризис развивается на фоне разочарования в прогрессе, науке и позитивизме. И именно это ощущение кризиса привело к тому, что философы стали искать иные способы поиска и исследова-

ования, отходя от западноевропейского традиционного рационализма. «Такая эволюция подчеркивает особую антропологическую ориентацию эстетики интуитивизма и экзистенциализма, по существу, представляющих собой, эстетику человекознания»¹⁴.

Хэллибертон описывает внушительную картину воздействия Хайдеггера и его образа мышления на манеру письма современных философов, культурологов и литературоведов, на специфическую философско-эстетическую позицию, на особый дух, стиль эпохи — на то, что можно было бы назвать «метафорической эссеистикой». Хайдеггер — главная фигура, которая своими исследованиями породила огромное количество дискуссий «о взаимоотношении между философскими и литературными проблемами, между тем, что мы называем метафизическими, эпистемологическими или онтологическими вопросами, с одной стороны, и, с другой, проблемами художественной презентации, формы и содержания, эстетической ценности»¹⁵. Хэллибертон особое внимание уделяет тому значению, которое оказало влияние Хайдеггера на «оформление литературной и эстетической практики» США и Великобритании, и перечисляет в этой связи имена практически всех представителей американского деконструктивизма: Поля де Мана, Ричарда Палмера, Джозефа Риддела, Уильяма Спейноса и многих других.

«...и свет философии в моем окошке — вот что теперь доставляет мне радость, вот что хотел бы я удержать в памяти: как я пришел к нынешнему своему состоянию». Гёльдерлин.

Именно акцент на художественный метод мышления и стал формирующей и содержательной доминантой системы мышления и философствования позднего Хайдеггера. Хайдеггер и его «поэтическое мышление» определили и расширили круг явлений, которых условно определяют как феномены «постнаучного мышления».

Значительно было влияние хайдеггеровской концепции поэтического языка, опосредованное интерпретацией Дерриды, и на большое количество представителей французского постструктурализма. В частности, обращение к новой манере письма и было в свое время наиболее характерным, хотя и внешним признаком перехода Кристевой с позиций структурализма на платформу постструктурализма, и то радикальное изменение формы философствования, которое претерпело ее мышление, не было бы возможным без влияния Хайдеггера. Если говорить

¹³ Halliburton D. Poetic Thinking: An approach to Heidegger. Chicago, 1981. S. 7.

¹⁴ Кривцун О.А. Эстетика. М.: Аспект Пресс, 2000.

¹⁵ Там же. С. 8.

об Америке, то, по мнению Лейча, пристрастие к поэтическому мышлению обнаружилось примерно на рубеже 60-70-х гг. вначале у И. Хассана и С. Зонтаг, затем «подобная же трансформация произошла в стиле других философов-критиков вроде Джеффри Хартмана и Харольда Блума». Именно начиная с «Предисловия» к «Расчленению Орфея» (1971). Хассан отказался от традиционных «модусов литературоведческого письма», представленного как раз в этой книге, и перешел к фрагментарному, афористическому и глубоко личностному стилю, которым отмечена новая «паракритическая» 26 фаза в его эволюции.

Если ограничиться хотя бы только французской традицией, то среди приверженцев подобного стиля мышления мы найдем Гастона Башляра и Мориса Бланшо. Особо следует отметить последнего, сочетавшего в своей практике деятельность философа-теоретика и писателя и оказавшего огромное воздействие на некоторые концепции Дерриды. Все вышеперечисленные философы и исследователи были заняты поиском новых способов познания. И, тем не менее, одному лишь Хайдеггеру удалось создать такую модель мышления, которая смогла дать основания для новой формы работы сознания, вывести ее из стагнации.

Позже, «поэтическое мышление» стало важнейшей категорией «постмодернистской чувствительности», фундаментом для формулировки тезиса о неизбежности художественности, поэтичности всякого мышления, в том числе и теоретического (философского, литературоведческого, искусствоведческого и даже научно-естественного), но в рамках собственно лите-

ратуроведческого постструктурализма — со ссылкой на авторитет Ницше, Хайдеггера и Дерриды — этот «постулат» послужил теоретическим обоснованием нового вида критики, в которой философские и литературоведческие проблемы рассматриваются как неразрывно спаянные, скрепленные друг с другом метафорической природой языка. И роль Хайдеггера в этом была особенно значительной, поскольку его методика анализа философского-поэтического текста (а также и художественного), оказалась вполне применимой и для анализа и исключительно литературного текста.

В том, что касается сферы литературоведения, Хэллибертон бесспорно прав: влияние Хайдеггера, особенно в 1950-е гг., было настолько значительным, что, несмотря на критику, обвинения в «даже очевидных промахах его этимологических изысканий, столь характерных для его манеры отыскивать в словах их изначальный, «первичный» смысл, промахи, убедительно доказанные квалифицированными специалистами», все-таки, не смогли подорвать авторитет его толкования, лишь привлекая еще больший интерес к методу интерпретации поэтического текста. И, конечно, он актуален и сегодня. Очень важно отметить то, что именно концепция «поэтического мышления» смогла продемонстрировать значимость и роль языка поэзии в постижении бытия, дав основу для нового способа философствования и постижения истины. Поэтическое слово требует переоценки и переосмысления его роли в философии, да и в жизни человека. Поэтому, стоит закончить словами Гёльдерлина: «Все же еще не время. Но...».

Список литературы:

1. Вольский А.Л. Поэтико-философский текст как объект филологической герменевтики. Автореферат дисс. ... докт. филол. н. СПб, 2008.
2. Гадамер Г.-Г. Лирика как парадигма современности / Пер. с нем. С.А. Ромашко // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
3. Гадамер Х.-Г. Текст и интерпретация / Пер. с нем. Е.М. Ананьевой // Герменевтика и деконструкция. СПб., 1999.
4. Гёльдерлин Х.Ф. Сочинения. М.: Художественная литература, 1969.
5. де Манн Поль. Слепота и прозрение. Статьи о риторике современной критики. М.: Гуманитарная Академия, 2002.
6. Зонтаг С. Против интерпретации / Пер. с англ. В. Гольшева // Зонтаг С. Мысль как страсть. М., 1997.
7. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм [Электронный ресурс] // <http://lib.ru/CULTURE/ILIN/poststrukt.txt>.
8. Качераускас Т. Парадигма философской поэтики и герменевтико-феноменологическая философия // Вестник ТГПУ. 2004. Выпуск 2 (39).
9. Кукулин И. Вдумчивое непонимание: возвращение герменевтики // Журнальный зал [Электронный ресурс — <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/61/>].
10. Орлов Д.У. От конституирования к поэзису: герменевтический метод Хайдеггера [Электронный ресурс] // <http://einai.ru/2012-01-Orlov.html>.
11. Соболев Ю.В. Репрессивная поэтика в современной культуре: генезис и репрезентативность // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 364.

12. Философия. Язык. Культура. Вып. 2. СПб., 2008.
13. Halliburton D. Poetic Thinking: An approach to Heidegger. Chicago, 1981.
14. Heidegger M. Sein und Zeit. Halle, 1931.

References (transliteration):

1. Vol'skiy A.L. Poetiko-filosofskiy tekst kak ob'ekt filologicheskoy germenевtiki. Avtoreferat diss. ... dokt. filol. n. SPb, 2008.
2. Gadamer G.-G. Lirika kak paradigma sovremennosti / Per. s nem. S.A. Romashko // Gadamer G.-G. Aktual'nost' prekrasnogo. M., 1991.
3. Gadamer Kh.-G. Tekst i interpretatsiya / Per. s nem. E.M. Anan'evoy // Germenevtika i dekonstruktsiya. SPb, 1999.
4. Gel'derlin Kh. F. Sochineniya. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1969.
5. de Mann Pol'. Slepota i prozrenie. Statyi o ritorike sovremennoy kritiki. M.: Gumanitarnaya Akademiya, 2002.
6. Zontag S. Protiv interpretatsii / Per. s angl. V. Golysheva // Zontag S. Mysl' kak strast'. M., 1997.
7. Il'in I.P. Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm [Elektronnyy resurs] // <http://lib.ru/CULTURE/ILIN/poststrukt.txt>.
8. Kacherauskas T. Paradigma filosofskoy poetiki i germenевtiko-fenomenologicheskaya filosofiya // Vestnik TGPU. 2004. Vypusk 2 (39).
9. Kukulin I. Vdumchivoe neponimanie: vozvrashchenie germenевtiki // Zhurnal'nyy zal [Elektronnyy resurs — <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/61/>].
10. Orlov D.U. Ot konstituirovaniya k poezisu: germenевticheskii metod Khaydeggera [Elektronnyy resurs] // <http://einai.ru/2012-01-Orlov.html>.
11. Sobolev Yu.V. Repressivnaya poetika v sovremennoy kul'ture: genesis i reprezentativnost' // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2012. № 364.
12. Filosofiya. Yazyk. Kul'tura. Vypusk 2. SPb, 2008.
13. Halliburton D. Poetic Thinking: An approach to Heidegger. Chicago, 1981.
14. Heidegger M. Sein und Zeit. Halle, 1931.